

Берёзовая чурочка

Весной в парке проводили обрезку деревьев. Большие ветки распилили, поменьше – порубили, поломали, на трактор сложили и увезли за город. Осталась на прежнем месте одна берёзовая чурочка. Долго лежала, надоело ей бока наминать. Стала всем под ноги попадаться, чтобы заметили, к делу прибрали. Шли ребята из школы. Увидели её, попинали, бросили. Прилетела ворона веток на гнездо посмотреть. Вокруг чурочки обошла, а не взяла.

- Почему меня не берёшь?

- На что?- отвечает ворона. - Нужны тонкие, гибкие, а ты - толстая, тяжёлая.

Ворона улетела. Пришёл ёж.

- Забери к себе,- просит чурбашка.

- Я спал всю зиму, только проснулся, - отвечает зверёк. - Ищу чего-нибудь пожевать. Тебя не съешь.

- Тогда подкати меня вон к тому пню.

Ёж подкатил.

- Пень, миленький, возьми к себе: прирасту, деревом с тобой будем, - предлагает поленце.

- Тому не статья. Возле меня уж детки поднялись, вот-вот листочками покроются. Чего ещё желать?

Так деревяшка никому не пригодилась. Обозлилась, решила мешать каждому, кто вблизи окажется.

Пришла в парк девочка со скакалкой. Прыгала, прыгала, на чурочку наступила.

- Ой! - вскрикнула малышка. – Ногу подвернула... Полено проклятое!

Прохожий парнишка хромоножку домой повёл, а обидчица радуется: заметили её.

Другой раз она велосипедистам под колёса бросилась. Спортсмены попадали, руки-ноги чуть не переломали. А один хулиган её поднял, в птиц запустил.

Стали птицы, белки с ежами сторониться деревяшки. Пытались совестить. А ей того и надо: какая разница, что говорят, главное, внимание обращают!

Однажды брёл меж деревьями задумчивый школьник. Прошлогодние листья ворошил, гнёзда рассматривал, за белками наблюдал. Увидел берёзовый обрубок, взял в руки. Глядит, соображает. Долго так размышлял, потом унёс с собой. Животные стали гадать, куда это он пошёл. Вороны голубям говорят:

- Слетайте за ним, посмотрите. Нам потом расскажете.

Те полетели. Видят, заходит мальчик в большое здание. Другие тоже сюда идут. Не с пустыми руками. Кто свёртки какие-то несёт, кто фанеру или увесистую сумку. Голуби, какие тут под крышей жили, парковым рассказали, что это дом детского творчества.

- А куда ж дети с деревяшками заходят? - спрашивают пришлые птицы местных. - Где их окна?

Чердачные, творческие, показали. Самим тоже интересно, зачем тем окна модельного кружка понадобились. Расселись на подоконниках, смотрят. Вот знакомый парнишка положил чурочку на стол, склонился, думает.

- Так он дотемна думать станет, а нам домой надо, - заволновались птицы-гости.

- Ничего, летите себе, а мы поглядим, - успокоили их здешние. - Завтра всё вам расскажем.

Но ни завтра, ни через неделю не рассказали, потому что не понимали, зачем юный умелец сушил свою находку, распиливал, строгал. Но однажды творческие голуби в парк явились:

- Скорее, скорее, летим к нам!

Все, кто мог, кинулись с ними. Даже осторожные вороны с галками, синицы, бакланы с речки. Разместились, смотрят. Пришёл школьник, достал из стола вовсе не поленьшко, а то, что из него получилось: чудесный парусник! Настоящий, только маленький (это бакланы объяснили). Наставник поднял модельку, чтоб дети видели, похлопал мечтательного ученика по плечу. Никто не разглядел, как гордилась берёзовая чурочка, правда, на прежнюю себя уже не похожая. Парковые птицы полетели обратно, чтобы поведать белкам и ежам о её чудесном превращении.

Скоро в зале первого этажа дома творчества открылась выставка работ юных мастеров. На почётном месте красовался изящный кораблик.

Ранним утром, когда город только собирался проснуться, и зал был закрыт, на подоконниках тесно сидели птицы, белки, мыши, словом все, кому забраться сюда оказалось под силу. Животные разглядывали поделки, угадывая в них кусочки дерева, сухие травы, листья, камни. Но главное, ради чего они пришли, был парусник из берёзовой чурочки, не нужной прежде ни одной живой душе.

Шоколадная фея

1

Все, кто знаком с чародеями, знает: весёлая девушка с кудряшками и переливчатыми крыльями – фея Ио. Когда она смеётся, голос трепещет, словно звенящий пересып бубна, а глаза искрятся лукавыми блёстками.

Больше всего на свете Ио любит шоколад. Она ест его всюду, всегда: болтает ли ножками на подоконнике, порхает ли с эльфами на лугу, помогает кому-нибудь или озорничает.

Эта насмешница любит подшучивать над кем попало и охотнее всего над злюками. Словно мальчишка-забияка она дразнит ведьм, колдунов, потом от души потешается над их замешательством и досадой.

Ио поселилась на лугу, под радушно развесившимся дубом. Домик ей строили друзья: горожане, животные, даже эльфы с мотыльками. Его заметишь невдруг (особенно, если хозяйка не хочет), зато из комнат видны жонглирующий бликами родничок поблизости, фиолетовые горы вдали. В сумрачных ущельях потухают дни; солнце прощально янтарит феины окошки.

2

В прежние времена подданным королевства жилось проще, чем теперь. Но откуда б они узнали о том, если б в скалах не поселилась злая волшебница Гарпина. Она возвела высокий гулкий замок, где равно остро чувствуются могущество и одиночество.

Пришелица без труда вызнала решительно всё, что затевалось у ремесленников, торговцев, учёных, даже властителей, вмешивалась в их дела не столь по надобности, сколь от скуки. Дошло до того, что принимая важные решенья, королевская чета многозначительно оглядывалась на каменные гряды, где шпилями крыш, будто копьями, щетинились колдовские башни.

Правда, когда родилась принцесса Майя, магиню вредину на торжество не пригласили то ли забыв в суеде приготовлений, то ли по всегдашней сказочной традиции.

Ведьме это не понравилось, но она с мезтью не спешила. Рассудила так: жизнь у волшебников долгая, торопиться некуда, истребить обидчиков разом скучно, заранее предупредить о грозящей расправе (вспомните Спящую Красавицу) неосмотрительно. Зато в обличье дальней родственницы

отправилась гостить в королевский дворец. Там скоро заметили, что нагрянувшую тётку избегают не только слуги, но даже птицы, кошки, мыши.

Пока наследница престола агукала в колыбельке, в стране царило спокойствие: Ио озорничала, поедая шоколад; Гарпина болталась при дворе, ничего пока не предпринимая. Но всё изменилось.

3

Принцесса подросла, начала бегать, выказывать неуёмный интерес ко всему, что попадалось. Однажды она увидела узкий футлярчик недоброй гостью. В нём хранилась волшебная палочка. Злодей дорожит ею куда больше, чем добродей, ведь палочка белого мага, попав к людям, сотворит лишь гору недоразумений. Тростинка же чёрного в чужих руках может погубить самого колдуна.

Девочка попыталась заглянуть в длинную бархатную коробочку, но её остановил злобный взгляд и шипение:

- Твой любопытный носик делает открытия? Скоро он откроет тебе печаль.

Малышка угрозы не поняла. Взрослые не сразу догадались, что это колдовское заклятие.

«Родственница» испарилась, а у Майи с того дня начал расти нос. Но увеличиваясь год от году, он не умерил любознательности, не укротил кипучего нрава. Королевна постигала науки, языки, искусства, помогала больным, беднякам. Родители и подданные гордились принцессой. Словом, ничто не мешало ей быть общей любимицей.

Но время печалиться всё ж настало.

Когда Майе исполнилось шестнадцать, в королевство зачастили женихи с надеждой получить щедрое приданое, расширить владения, обрести высокий сан. А высокородная дева уже любила. Принц Филипп из соседнего княжества по дружбе женился б на ней. Но хотелось, чтобы он не только ценил пользу союза, но и смотрел на жену с нежностью. К своим уму и доброте она охотно добавила бы немного красоты.

Отказав всем кавалерам, горе-невеста часто уединялась в саду. Бедняжку заметили эльфы господских цветников, узнав причину грусти, поспешили к Ио. Та решительно ринулась во дворец, слёту звонко чмокнула высочество в кончик носа, стащила из вазы шоколадку и радостно рассмеялась. Услышав бубенчики её голоса, Майя сразу поверила: счастье близко.

Через пару месяцев её курносое личико совершенно очаровало Филиппа. Заговорили о скорой свадьбе.

Поступок дерзкой шалуньи недолго оставался тайной для Гарпины. Колдунья, поклявшись наказать нахалку, нашла её сидящей на подоконнике с ванильным батончиком во рту. Глянув ей в глаза, колдунья произнесла:

- Конфеты для тебя удовольствие? Отныне они будут твоим несчастьем.

В ту же минуту озорница почувствовала, как от мизинцев ног до кончиков волос, снаружи и внутри наполняется шоколадом. Охнуть не успела, а уж превратилась в коричневую статуэтку.

Гарпина торжественно понесла прочь свою узкую фигуру. У двери приобернулась, чуть вздев правую бровь, молвила:

- Вещи, которых ты коснёшься, тоже станут лакомствами.

Ничего себе наказание! Теперь Ио не могла сорвать цветок, поцеловать на улице ребёнка, посадить на руку эльфа или бабочку. Прощайте, хлеб, родниковая вода, шоколад. То есть, его-то много (даже слёзы превращались в драже), но наслаждаться им уже не получится.

Фея перестала играть на лугу, не смеялась, не пошла на свадьбу Майи и Филиппа. Она садилась у раскрытого окна: от шёпота листвы, тихого родникового говорка немного легчало.

У эльфов тоже пропала охота резвиться. Они сбивались стайкой и думали, как помочь Ио. Выходило одно: искать у колдуньи. Поздним вечером цветочные человечки полетели в горы, надеясь выудить средство от заклятья.

Летунки опасливо приблизились к открытому стрельчатому окну. Гарпина стояла спиной, помешивала в котле, время от времени заглядывая в толстенную книгу.

- Интересно, есть ли там что-нибудь подходящее? – шептались наблюдатели.

Колдунья сняла варево с огня, зевнула и вышла.

Несколько смельчаков тотчас порхнули к книге. Они торопливо читали каждое заклинание, с трудом переворачивая листы. Увлёкшись, крошки не заметили хозяйку. Та беззвучно вплыла и ловко накрыла их стеклянной посудинкой.

- Посидите здесь, пока решу, что с вами делать, - сказала она, затворяя окно.

Оставшиеся снаружи поспешили к Ио.

Та, узнав, что друзья в опасности, велела крылатикам прихватить волшебную палочку и ринулась на выручку.

Приникнув к оконным щелям, летучая армия увидела горемык в склянке. Злодейки в комнате не оказалось. Удобный случай, медлить нельзя. Сделать деревянные ставни лакомством и раскрошить – пара пустяков, вызволить пленников – тоже. Едва те получили свободу, окно исчезло, дверь отворилась.

- О, у меня гости! – воскликнула притворно удивлённая Гарпина.

Ио выхватила волшебную палочку из рук помощников, направила на колдунью, но та ухмыльнулась:

- Ты кое-что упустила из виду, сладенькая моя. Этот вкусный прутик немного стоит. Угости им свою мошкарку.

В запальчивости Ио забыла, что не должна касаться вещей. Волшебная палочка покрылась шоколадом. Правда, и ведьма перестала смеяться – заметила, что собственная злодейная лучинка лежит в шаге от соперницы. Та, конечно, мигом подобрала.

Увы, ночью зло сильнее, чем днём. Расчёт не оправдался: Гарпинино магическое оружие не превратилось в конфету. Для колдуньи это оказалось сюрпризом, но медлить она не стала. Прыжком очутилась рядом, дёрнула палочку. Завязалась молчаливая борьба. Волшебницы тянули чудо-тростинку каждая к себе. Лакомке-проказнице помогали эльфы: они роились пред лицом ведьмы. У той зарябило в глазах. Одной рукой пришлось удерживать магическую вещицу, другой отмахиваться от цветочных человечков.

Фее, начавшей в пылу борьбы таять, тоже пришлось несладко. Собрав силы, Ио рванула и, завладев трофеей, попыталась её сломать.

6

Взошло солнце. Никто в чертогах не видел, но все поняли, что рассвело: волшебная тросточка треснула на миг раньше, чем стала вкуснятиной.

Гарпина вздохнула, опустила руки. Мало-помалу её силуэт поблёк, туманно заколебался и развеялся.

Окно появилось на своём месте, двери распахнулись, но это не надобилось: замок маревом исчезал вслед за хозяйкой.

Шоколад с феи потёк ручьями. Отерев глаза, она увидела свою розовую ладошку. А вскоре вся освободилась из липкого плена. В груди застучало сердце. Каждый вздох наполнял грудь высотным воздухом. Утренний ветер шевелил мягкие спиральки волос. Ио смеялась, танцевала, не замечая озабоченных лиц цветочной братии.

- Мы должны предупредить, - заговорили друзья, но шалунья не слышала - бежала по склону на луг, к ручейку и дубу.

По пути она восторженно касалась клеверных головок, травы, камешков на дне родника. Девушка жадно приникла к холодной струе.

- Ничего не пила вкуснее.

Вбежав в дом, с наслаждением захрустела давнишним сухариком.

- Ио, да послушай же, - позвали подросшие человечки.

- Чего вы хотите от голодной феи?

- Ты больше не фея. Обыкновенная девчонка. Когда твоя волшебная палочка...- эльфы не досказали. В ответ раздались трели безмятежного смеха. Похоже, никакие известия не могли расстроить их подругу.

Множество непривычных дел отныне ждали Ио каждый день. Ей пришлось учиться следить за чистотой дома и платья, заваривать чай, печь пирожки для друзей без помощи волшебства.

Быть человеком оказалось непросто, ведь девушка открыла в себе то, чего раньше не чувствовала. Когда её пригласили ко двору венценосные молодожёны, она очаровательно краснела, а этикетные реверансы выходили чуть угловато.

Что до помощи всем на свете, веселья и озорства, то они радуют Ио больше, чем прежде. Но шоколад здесь не при чём.

Заюшкин домик

Трудно зайцу в лесу. Ни присесть где, ни подремать вволю. Того гляди, лисица отыщет, волк погонится.

Не было у серого трусишки домика. Даже норы какой-нибудь. Решил он надёжное убежище поискать.

Ходил, ходил по лесу. Вышел на полянку. Солнышко светит, птички поют. Тихо. Боязливые-то зверьки неохотно из чащи показываются: мало ли кто заметит.

Но тут иное дело: на пенёчке фея сидит. Не то, что по ней это видно, но заяц так рассудил: сидит человек, а бежать от него не хочется. Наоборот даже, подойти любопытно. С чего бы?

Другое опять же: люди зачем в лес ходят? С ружьём – на охоту, с корзинкой – за грибами, с бидоном – за ягодами. Но тут: корзинка рядом, в руках – ножницы. Склонилась, режет, о грибах не помышляет. Только ведь это я говорю, что ножницы, что режет. А звери-то где их видели, откуда про них знают? Вот и выходит по-заячьему: дело колдовское. Ну, кто это может быть? Фея, конечно, некому больше.

Длинноухий опасливо подобрался ближе, носом водит.

Волшебница заметила краешком глаза, спрашивает:

- Что, дружок, деться некуда?

- Угу. Нет у меня, бедного, ни норки, ни шалашика.

- Будет, будет тебе убежище. Подожди-ка...- взяла фея из корзинки плотную бумагу и домик смастерила.

Поставила на ладонь, зайчику показывает.

- Маловат да слабоват, - капризничает тот.

- Смотри-ка, - кудесница тихонько дунула.

Картонная игрушка с руки соскользнула и полетела, увеличиваясь, под кустик на краю полянки.

- Домишко не простой, хоть бумажный. Нет его надёжней: защитит не только от дождя да вьюги, но от любого, у кого зло на уме. Доброго и честного можешь в гости звать, места хватит. Хитрый да коварный его не увидит. Спрячешься в нём – враг мимо пройдёт, не заметит.

Фея исчезла. Заинька осторожно залез в избёнку, посидел, ничего особенного не почувал.

Волшебство нового жилища скоро пригодилось.

Бегали однажды зайцы в дальний овражек травкой лакомиться. Вдруг волк ка-ак выскочит! Всех распугал и за нашим погнался. Долго бежали. Зайчик уставать начал, когда меж деревьев просвет знакомой поляны увидел. Собрав остатки силы, кинулся он в свой бумажный закуток. В последнюю минуту услышал, как челюсти над ним лязгнули.

Хищник прыгнул (вот-вот сцапает) и вдруг упал мордой в траву. Вместо знатной добычи в зубах – ромашки да колокольчики. Где она? Испарилась? Растаяла? Волк обалдело помотал головой, цветы выплюнул, убрёл, понурился голову и хвост. Косой из окошка видел.

Другой раз пришлось ему вдоль бережка домой возвращаться. Заметил у кромки воды лисичку: плачет, вроде. Зайцы-то с лисами, как с волками, не особенно дружат, но тут, видно, помощь нужна. И страшно: вдруг учуяла да притворилась? Но по доброй душе отважился, спрашивает:

- Ты что лежишь?

- Ох, лапку занозила. Еле хожу. Поможешь?

У длинноухого душа пополам: помочь надо и пойматься не хочется. Покумекал маленько, придумал невеликую, а всё ж хитрость.

- Что ж, помогу. Я близко живу. Потихоньку дойдёшь? Дома у меня полечишься, отдохнёшь, сколь надо будет.

- Попробую, - ответила рыжая и поднялась, оперлась на помощника.

Доковыляли. Заяц издали показывает:

- Вон туда.

- Хлипкое жильце.

- Что есть. Заходи, - тут уж хозяин гостью смело позвал. Помнил, что фея говорила: дом виден тому, кто без злого умысла.

Занозу вынули, лапку перевязали, чаю попили. Гостья говорит:

- Выручил, спасибо. Отныне я тебе друг и защитник. В жизни не трону.

Стали они дружить. Многих врагов ушастик ещё потом распознал и друзей обрёл.

Заюшкин домик и теперь стоит на прежнем месте, только не каждый его увидит.

Дарьины байки

1

У Фили большая семья, а он всё один да один.

Родные на работе. Приходит парнишка из школы, встречает его лишь сибирская кошка Дарья. Но он привык: обед разогреет, мультики посмотрит, учебники раскроет.

Сидит, бывало, за уроками, а пушистая домоседка жмурится в кресле, помуркивает: не то таблицу умножения бормочет, не то старушечьи поучения нашёптывает. Она животинка героическая: раз мяуканьем спасла домашних от пожара. К тому ж охотница, крысиная гроза. Никого к себе не подпускает. Меньшого хозяина только. Тот-то давно понял, что его любимица особенная. Волшебная, можно сказать. Зачитался он как-то допоздна, в глазах зарябило. Кошка подле дремала. Потянулся Филя, за ушами её почесал, слышит:

- Мурр, мурр. Спать пора.

Дрёма от паренька так и шарахнулась.

- Ты по-нашему говорить можешь?

- Ну да. И всё про людей, знаю: плохое, хорошее.

Мальчик поёрзал в постели.

- Ух, ты! Что же у нас хорошего?

- Забота друг о друге.

- А плохого?

- Природы не чувствуете. В ней и лечение, и наука...

- Про аптечные травы, воздух знаем, - солидно прервал Филя. – Про науку тоже не новость; в школу хожу.

- Конечно, - вкрадчиво согласилась питомица. – Но в лесу-то всяко ученье целительно. Математика вылечит лень, грубость или безволие?

Хозяин пожал плечами.

- Природа вылечит. Лес. Звери, - убеждённо заключила сибирячка.

- Это как? Расскажи.

- Пожалуй. Котят моих помнишь?

А то. Летом те вдруг запропали с подворья. Полосатая охотница металась по заулкам, а вечером откуда-то невредимых привела.

- Приключилось тогда вот что...

Дарья поджала крендельком передние лапки, привалилась грудкой и завела сказ.

2

Из дому в лес сбежали котята: Снежок, Пятнышко и Рыжик.

Так их назвал хозяйский сын, а Рыжик себя и братьев иначе окрестил. Сам он – Забияка, те – Лоботряс и Мямля. Неласково, что говорить, но вот штука: прозвища подходили им куда лучше имён.

Топали малыши по давно неезженному просёлку, а в чаще заблудились. Когда поняли это, повели себя по обыкновению. Забияка рассердился, стал шишки распинывать. Мямля (Снежок) семенил за ним, увещевал, урезонивал. А Лоботрясу (Пятнышку) невдомёк: хорошо иль худо заблудиться. Идёт, по сторонам зевает.

Наскочил на них волк. Оскалился, зарычал. Не то чтоб они аппетитно смотрелись, а только не место тут малышне; пусть домой поворачивают.

Котята волков в жизни не видели, но чувствуют опасность. Сбились в кучку, шерстки вздыбились, шипят.

- Ишь, вояки, - хищник не выдержал и засмеялся. – Выходи, кто смелый, силой меряться.

- А, зубоскал! Получай, - изо всех сил пискнул Забияка, шишку метнул.

Зверюга оторопел.

- Неплохой бросок. Вижу, неробкие гости забрели. Теперь выкладывайте: заблудились? Помощь нужна?

- Сейчас тебе самому помощь понадобится, – не унимался злой малец.

Братья ума невеликого, однако скумекали, что не надо б грубить, ведь страшила троих одним щелчком перекусит.

Но волк лишь хмыкнул и ушёл. «Чудные ребята. Куда идут? Зачем?» - размышлял он. Занятый мыслями, серый слёту в медвежье брюхо втяпался. Поднял голову, видит: перед ним, понятно, мишка, и лиса рядом.

- Чего ты по сторонам не смотришь, будто на даче живёшь? – спрашивают.

- Понимаете... - зубастый рассказал о малышах.

- Да-а, - протянул косолапый. – Глупый народец, но пособить им надо. Как, лиса, думаешь?

- Поможем, - отвечает та. – Только не дорогу покажем, а уму-разуму научим.

Медведь с волком переглянулись.

- Выведем из леса сегодня, завтра они сглупу опять в историю встрянут, - объяснила огнехвостая. – Мы устроим так, что другой раз им помощь не понадобится. Из всяких переделок выберутся.

- Дело говоришь, - согласились друзья и пошли туда, где несмышлёныши бродили. Под кустом притаились. Лиса шепчет:

- Мой – добренький. Медведь, злюку бери, волк – дурачка. Вперёд.

Выскочили, похватили котят, понеслись в разные стороны.

Забияка в медвежьей пасти болтается, как тряпичный мешочек, норовит морду бурому исцарапать. Тот не выдержал, выплюнул сорванца возле болота, говорит:

- Сам выбирайся да помни: мама тебя ждёт, горюет, так что погибнуть не имеешь права.

Ушёл, а Рыжик огляделся, кулаком вслед погрозил. Видит, на кусте сорока сидит. Хотел подойти, в воду провалился. Барахтается, спрашивает у белобоки:

- Эй! Как на старый просёлок попасть?

Та крыльями пожалала, унеслась всем на свете о котёнке рассказывать. Слетелись пернатые, смотрят. Забияка из сил выбивается, лапками по воде хлопает, выбраться не может. Кричит:

- Ротозеи болотные, не видите?! Живая душа гибнет, выручайте.

Утки, цапли переглянулись, с места не двинулись.

Силы беднягу покинули, а ума прибавилось; понял, что так помощи не дождётся.

- Птички, помогите, пожалуйста, - взмолился злюка. - Сил нет. Тону. Мяу-у!

Те вытащили. Рыжик отряхнулся, «спасибо» выдавил. Спасители поклонились, дескать, на здоровье.

Пошёл малец примерно в ту сторону, откуда его мишка притащил. Проголодался. Углядел на ветке белку. Хотел по привычке нагрубить да подумал, что та тоже обидится, говорит:

- Здравствуй, зверёк-огонёк. Не накормишь ли кота-путешественника?

- Тебя, что ли?

- Не нравлюсь? – С угрозой спрашивает кроха.

Попрыгунье забавно: маленький, а ерепенится. Только смеяться она не стала, понимала ребячество.

- Будет сердиться-то, - ласково воркнула грызунья. – А что голоден, верю. Подожди-ка.

Через малое время принесла косточек, что филин указал. Сама их отродясь не запасала, а тот знает, что советует. Похрумкал малец, поблагодарил. Спросил заодно, как на дорогу выйти. Белка показала.

Долго Забияка в зарослях блуждал. Раз с зайцами подрался. Очень вкусно они какой-то травкой чавкали, прищельцу не давали. Драка получилась стыдная, потому что это в сказках длинноухие - трусы, а котёнку накостыляли будь здоров. Обидно, что и травка невкусная оказалась. Ковыляет сердечный, ругает себя за глупость и грубость.

4

Лиса притащила Мямлю в нору и зарычала:

- Готовься к смерти.

Тот посмотрел так жалостно, что застыдилась она комедию ломать.

- Вправду не понимаешь, что будет, или тебе всё равно?

- Да кушайте на здоровье, - отвечает котёнок. – Не драться же с вами. Обо мне хоть память добрая останется: не сопротивлялся, мол, съелся с удовольствием.

Рыжая глаза выпучила. Тот увидел, что она не в себе, подошёл. Участливо гладит, приговаривает:

- Бог с вами, всякое случается, чего переживать-то? Вы молодая ещё, а от волнений захвораете и помрёте прежде времени.

- Кто ж ты такой? Может, у тебя крылья имеются?

- Нет. Я не ангел, а несчастное дитя, – вздохнул пленник.

Охотница безнадёжно лапой махнула.

- Ступай отсюда. Противно тебя есть.

Мямля-Снежок шмыгнул носом, но не ушёл.

- Может, съедите всё же? Домой вряд ли попаду. А случится, мы с Рыжиком и Пятнышком найдёмся, они опять обижать меня станут.

- Угу. Ты, вижу, неглупый парень, - жёстко сказала хозяйка. – Не верю, что животное мечтает погибнуть. Ради мамы можно б постоять за себя. Как в чашобе не сгинуть, расскажу. Если повезёт, с братьями встретишься, может, уши им ещё надерёшь. Согласен?

Котёнок кивнул.

И пошло. Учит его хитрица различать следы да запахи, затаиваться. Объясняет, что нельзя доверять каждому; надо распознавать намеренья зверей при встрече. Показала парочку примеров. Добрячок очень старался, потому науку надёжно освоил и заметно повеселел.

5

Тем временем Лоботряс (Пятнышко) пребывал в волчьей власти. Не дано зубастому терпенья, потому он с котёнком заговорил без обиняков:

- Научу всему, что поможет в село вернуться. Старайся. Будешь ваньку валять – съем. Понял?

Ещё бы. Жить всем охота.

Стал волк ребятёнка наставлять. Поначалу в учительской шкуре несвучно, ведь с малого какой спрос? Домашний, жизни не знает. Его и наказать совестно. Потом-то чашобный профессор понял, что лень подопечного лукавая. Собирался котёнок отлынивать, да у серого не забалуешь.

Как ученье закончилось, зверь приказал воспитаннику на просёлок выбираться, сам тайную поглядку устроил.

Пятнышко шёл осторожно, принохиваясь, приглядываясь, и не просмотрел опасность. Его караулила ласка. Обнаружилось это близ покинутой берлоги. Малыш нырнул туда и притих. Ласка лезть не стала. Может, медведя поопаслась, может, запах незнаком: не ела она таких раньше. Покрутилась и увицась куда-то.

Двинулся странник по тропке. Встретился ему ёж. Лоботряс кинулся обнюхивать, нос обколоч. В сердцах хотел обидчику наподдать, но сдержался. Боль научила ошибок не повторять. Так старой дороги достиг.

Волк порадовался за него, за себя, в канаву прыгнул, а там уже лиса с медведем сидят, наблюдают.

6

В месте, где накануне звери котят разлучили, Снежок с Пятнышком встретились.

Первый без приключений добрался. Не удивительно: дотошная учительша вразумляла, и он сметлив оказался: всё запомнил, освоил.

Обнялись ребята с радостью, какая им прежде незнакома была.

Лисица с волком друг на друга гордо посматривают, а на медведя вопросительно: где его воспитанник? Тот глаза прячет – не знает.

Из-за поворота выскочил олень и лёг перед Снежком и Пятнышком. С его спины сполз... Рыжик собственной персоной. Зайцы его потрепали, идти тяжело, вот он верхом и приехал. Как грубиян гордеца-рогача уговорил, знает только он сам.

Порадовались братья, что живы-здоровы, в село пошли. Наставники-то провожать не стали, одна сорока полетела.

Дарья примолкла на минуту, зевнула и досказала:

- Я их у околицы встретила, привела, накормила, облизала. Пернатая стрекотуха без отдыха болтала о ребячьих приключениях, к сумеркам лишь унялась, подалась обратно. С тех пор, как сыновья вылечились, я лесную школу добром поминаю. Вот бы людям там учиться.

Субботним утром Филя проснулся поздно и тотчас учуял запах бабушкиных пирогов. В приоткрытую дверь вошла мурлыка-рассказчица. Мальчик её приманил, на руки взял, погладил. Ничего она больше не

поведала. Притворилась, что не помнит. Но Филя-то её байки запомнил и всякую малость в природе стал подмечать. А что, вдруг пригодится?

Три мудреца

Молодой падишах пустынного княжества пребывал в послеобеденных раздумьях. Не знал, что пожелать. Счастье, конечно, когда мечтать не о чем, но повелитель вовсе не чувствовал душевной гармонии.

В дворцовых оранжереях источали дурман невиданные растения; в вольерах внутреннего двора, дремля, перемогали зной редкие животные. Залы, галереи убраны тончайшими тканями, искристыми мехами, инкрустированным оружием. У фонтанов лучшие музыканты наигрывают чарующие мелодии.

Прогуливаясь меж диковин, венценосец не испытал обычной радости, ибо всё, чем он окружил и усладил себя, было иноземным.

«Палаты ломятся от редкостей, моя голова – от знаний и впечатлений, а вотчины я, оказывается, не знаю. Чем богата и славна моя держава?» - подумал его величество и трижды хлопнул в ладоши.

Пред ним бесшумно разложился, как складная линейка, сухопарый визирь и застыл в полупоклоне. Падишах объявил решение.

Созвать на состязание в уме и находчивости всех, сколь ни сыщется, учёных мужей, а лучших снарядить на поиски отеческих богатств.

Наутро глашатаи в лиловых одеждах на легконогих скакунах разлетелись, точно ключья едва минувшей ночи, по оазисам королевства, скликаая мудрецов.

2

В назначенный день на площади под царским балконом встретились (подумать только!) три мудреца.

Один, жидкобородый старец в дорогом парчовом плаще, сидел на коне спиной вперёд. Второй, почтенный толстяк, сжимая на груди рваное рубище, держался в седле как положено. Верхом прибыл и третий, в домашних одеждах, с завязанными глазами.

После должных приветствий падишах спросил, что подвигло гостей явиться столь необычно.

- Лучшее платье - знак почтения к высшему и превосходства над низшим, – произнёс старший. – Я ехал лицом назад, не опасаясь грядущего, без грусти провожая прошлое. Шаг за шагом в знойном мареве растворился приют, где мне не нашлось места, рассмеявшиеся вслед сорванец, жадный чайханщик.

Следом отвечал странник в лохмотьях.

- Беды уходят, даже если не прощаться с ними. Я мчался, зорко глядя вперёд, дабы не просмотреть удачу или опасность. Если везенью быть, ему безразлична моя одежда, зато она не привлечёт корыстного злосчастья.

- Прошлое не покинет, пока помнишь, - рёк третий. - Будущее не пройдёт мимо, куда ни поскачешь. Не питаю пустых сожалений и надежд. Простой наряд и завязанные глаза вещают: не тщась изменить судьбу, стремлюсь оставаться собой в рубище и золоте, в хижине и дворце.

Ответы, каждый по-своему, заинтересовали падишаха, он велел визирю звать мудрецов на пир.

3

В обеденном зале ожидали нежнейшие кушанья, напитки и продолжение разговора. Позволив утолить голод, владетель обратился к гостям:

- Что человеку дороже жизни?

Сизобородый, встретивший и проводивший на земле не одну тысячу зорь, не помедлил с ответом:

- Благоденствие родины.

- Благополучие государя, - прогудел толстяк в худом балахоне.

- Жизнь своих детей, - подал голос третий.

- Мой приятель, князь скудной долины, жалуется на неудачи, - продолжал падишах. - Чем нужно обладать, чтоб преуспеть?

- Знанием, - пророкотал бородач в златотканом халате.

- Умениями, - кликнулся в тон ему товарищ.

- Не узнаешь, не сумеешь, не преуспеешь без стремленья к тому, - молвил последний.

Венценосец увлёкся разговором и забавно смахивал на любопытного отрока.

- С чем труднее всего расстаться?

Сотрапезники отвечали в почтительном порядке:

- С необходимым.

- С любимым.

- С привычками.

Воистину мудр многознающий. Неглуп и тот, кто не бежит от доброй беседы за щедрым столом.

Но вот господин подал знак к окончанию трапезы. Гости в полупоклоне удалились, оставив сановников советоваться. Падишаху нравился третий гость; ответы двоих старших не казались искренними. Визирь свои пристрастия утаил, лишь молвил:

- Не следует выбирать на пороге неизвестности. Там, где пара глаз зорка, три – зорче. То, что запечатлит в памяти один, не сравнится с тем, что смогут трое.

Князь согласился, и участь мудрецов решилась.

Минул год, как мудрецы путешествовали. Первое время визирь приходил к самодержцу с вестями о них. Но уже много месяцев об экспедиции не слышали, а падишах ничего не предпринимал, чтоб разыскать несчастных. В бездельные размышления он не пускал тревожные мысли, но те против монаршей воли вторгались, портили настроение, сон. Князь не выходил к подданным, боясь, чтоб кто-нибудь не помянул странников, мрачный слонялся меж клумб, вольеров, ни за что не берясь.

Угрюмую высочайшую лень однажды нарушила новость: путешественники вернулись и готовы предстать пред государем.

За время странствий они исхудали, лица потемнели, кожа огрубела. Но в движеньях сквозила спокойная вольность.

После церемонных приветствий слуга подошёл к прибывшим с чеканным блюдом для отысканных за год богатств.

Первый мудрец бросил несколько фиников, второй положил флягу с водой, третий насыпал песку.

Юный властитель вскинул брови.

- В твоих владеньях жизнь теплится под сенью финиковых пальм, - заговорил седобородый. - Их плоды - пища людям, корм скоту. Ими отдают долги, пополняют приданое дочерей. «О, мой финик!» - восклицает юноша, признаваясь девушке в любви. Поистине нет ничего ценнее.

- Вода в твоей стране редка, как алмаз или сапфир, - продолжил средний странник. - За пригоршню влаги, как за горсть бриллиантов, можно купить стадо овец, чистопородного скакуна, посватать царевну. Кто владеет водой - имеет всё.

Последний ответствовал:

- В твоих сундуках злата столько, сколь песка в округе. Ветры гонят их день за днём из края в край. Зори румянят склоны зыбких холмов. Куда ни ступит нога, куда ни прострутся рука и взор - всюду одно песчаное золото.

Не должно бы государю выдавать чувства, но юность не владеет этим искусством. Падишах разочарованно созерцал дары, силясь понять, не кроется ли здесь насмешка.

Кое-как он вернул себе привычное высокомерие и взглянул на странников. Прежде робко почтительные, они теперь не опускали взоров. Глаза будто

помолодели, засветились неведомым знанием – в том мнилось дерзкое превосходство.

- Чем заняты мои подданные? Благодарят ли бога, прославляют ли меня? – спросил господин.

- О, да. Крестьяне благодарят небо за то, что не сделало их жизнь горше.

- Они обращают взоры к дворцу и славят забывчивость падишаха, иначе казённые поборы обратились бы пудовым бременем для них.

Таково отвечали двое старших.

- Друзья не вполне справедливы в суждениях, – твёрдо произнёс третий. - Люди не видят неба и не знают наверняка, в какой стороне падишахский дворец.

- Почему же? – удивился венценосный юноша.

- Потому что глядят под ноги - трудятся, не разгибаясь, поливая скупые поля потом – единственной влагой, какая у них в изобилии.

Падишах наливался краской негодования. Визирь, одолев напряжённое смятение, спросил, что прикажет повелитель.

- В темницу их, на вечные времена, - просипел тот.

Мудрецы с достоинством благодарили.

- После жарких объятий родины, прохлада каземата пойдёт на пользу, - изрёк седобородый.

- Лишенья в пути приучили насыщаться щепотью, - молвил толстяк (теперь он выглядел иначе). – Отныне не придётся думать о куске.

- Провожая дни без сожаленья, встречал без страха. Я не скопил благ, и мне нечего терять. Но есть роскошь, которую не может отнять никто, а хотят иметь все: спокойная совесть. С ней везде как дома, - отвечал третий.

Господин слушал осуждённых, борясь с собой. В покои серебряной змейкой втекли стражники. Визирь скомандовал увести дерзких, но владыка остановил и (о, диво!) даровал узниками волю. Велел отсыпать золота, но те не взяли. Тогда просил навещать его и не отказывать в умном совете. Мудрецы обещали.

С того дня полуденные часы падишаха не таили тоски пресыщения, ибо он радел о подданных. И преуспел, ведь для этого имел всё, что нужно: стремление, добрых наставников и силу молодости.